

Клименко Артем Олегович

студент

Днепровского национального университета имени Олеся Гончара

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГЕРОЯ РОМАНА
ЮЛИАНА СЕМЕНОВА «ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ» РУССКОГО
РАЗВЕДЧИКА ОТТО ФОН ШТИРЛИЦА**

Аннотация. В статье составлен психолингвистический портрет героя романа Юлиана Семенова «Приказано выжить» русского разведчика Отто фон Штирлица.

Ключевые слова: психолингвистика, внутренняя речь, внешняя речь, психолингвистика, психолингвистическая характеристика.

Макс Отто фон Штирлиц (нем. Max Otto von Stierlitz (по аналогии с реально существующей немецкой фамилией Stieglitz; он же Макси́м Макси́мович Иса́ев, настоящее имя Все́волод Влади́мирович Влади́миров) – литературный персонаж, герой многих произведений советского писателя Юлиана Семёнова, штандартенфюрер СС, советский разведчик-нелегал, работавший в интересах СССР в нацистской Германии и некоторых других странах. Персонаж придуман автором в 1965 году. Всесоюзную славу образу Штирлица принёс многосерийный телефильм Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» по одноимённому роману, где его роль сыграл Вячеслав Тихонов. Этот персонаж стал самым знаменитым образом разведчика в советской и постсоветской культуре [7, с. 273-275].

В романах Юлиана Семенова из цикла о разведчике Штирлице главный герой имеет внешнюю и внутреннюю речь, который существенно

отличаются друг от друга. При этом важно отметить, что внешняя речь направлена для других и имеет признаки притворства, неискренности персонажа, которому необходимо представляться другим человеком, соответственно, стараться изменить свое мышление и структуру выражения мыслей. В то же время внутренняя речь, широко представленная в романах Юлиана Семенова о Штирлице и в частности в рассматриваемом в работе произведении, даёт возможность оценить, сопоставить и создать портрет «настоящего Штирлица». В связи с этим считаем возможным правильно анализировать внутреннюю и внешнюю речь персонажа отдельно.

Как было ранее указано, в тексте произведения присутствует внешняя и внутренняя речь персонажа.

Внутренняя речь предназначена для самого человека, в то время как внешняя речь – это речь для других. Внутренняя речь не предшествует внешней и не воспроизводит ее в памяти, а представляет собой самостоятельное образование. Главнейшая особенность внутренней речи — ее совершенно особый синтаксис: отрывочность, фрагментарность, сокращённость. Даже если бы можно было записать внутреннюю речь, то она оказалась бы сокращенной, отрывочной, бессвязной, неузнаваемой и непонятной по сравнению с внешней речью.

Внутренняя речь не является просто речью про себя. Она, выполняя регулирующую или планирующую роль, имеет иное, чем внешняя речь, сокращенное строение. Внутренняя речь по своей семантике никогда не обозначает предмет, никогда не носит строго номинативный характер, т. е. не содержит «подлежащего»; она указывает, что именно нужно выполнить, в какую сторону нужно направить действие. Оставаясь свернутой и аморфной по своему строению, она сохраняет свою предикативную функцию, обозначая только план дальнейшего высказывания или план дальнейшего действия [3, с. 125].

Устная, внешняя речь в большинстве случаев является диалогической. Диалог всегда предполагает то или иное знание собеседниками сути дела, которое позволяет делать целый ряд сокращений, что создает в определенных ситуациях чисто предикативные суждения. Диалог предполагает всегда зрительное восприятие собеседника, его мимики и жестов и акустическое восприятие всей интонационной стороны речи. То и другое, вместе взятое, допускает понимание с полуслова, общение с помощью намеков [3, с. 127-130].

В то же время необходимо отметить, что внутренняя речь Штирлица, вопреки общему правилу, в основном является полной и в этом плане часто превосходит внешнюю. Однако при данной характеристике следует учитывать профессию персонажа, которая требует от Штирлица тщательно обдумывать свои слова и поступки.

Количество фрагментов внешней речи персонажа значительно больше фрагментов внутренней речи. В то же время из 302 фрагментов внешней речи в тексте произведения лишь около 10 являются длинными и около 40 – средними и небольшими. Остальные фрагменты в основном состоят из которых предложений, отражающих согласие, несогласие или короткие ремарки персонажа относительно темы беседы.

Количественный анализ фрагментов внутренней речи показывает противоположную тенденцию. Так, из 47 фрагментов около 30 являются длинными, 15 – средними, 2 – состоят из одного предложения. При этом фрагменты внутренней речи, состоящие из одного предложения, отсутствуют.

Внешняя речь персонажа носит сугубо деловой характер, вызванная выполняемой работой главного персонажа. Соответственно, количество эмоционально окрашенной лексики во внутренней речи персонажа значительно выше, чем во внешней речи.

Общий психолингвистический анализ фрагментов внутренней и внешней речи позволяет определить:

- а) позицию Родителя/Ребенка/Взрослого;
- б) наличие признаков победителя - проигравшего (как проявляется в языке);
- в) экстрапунятивность, интрапунятивность, импунятивность (направленность текста);
- г) особенности мотивов, мотивация пишущего;
- д) индивидуально-типологические и возрастные особенности;
- е) самооценка и направленность личности;
- ё) эмоциональное состояние;
- ж) особенности темперамента;
- з) состояние межличностных отношений;
- и) интеллектуальное развитие;
- й) интенции, коммуникативное намерение говорящего (что и кому хочет сказать) [1, с. 7].

Кроме того, для исследования важно определить природу внутренней речи штандартенфюрера Штирлица. Для определения природы внутренней речи персонажа в нашей работе было использована классификация Г. Я. Буша, согласно которой внутренний диалог может возникать:

- в ситуациях творческого сомнения;
- в случаях противоречия между личными и общественными целями;
- при отсутствии возможности нести интерперсональные диалоги с желаемым собеседником;
- при эмпатическом представлении себя в роли партнёра диалога или объекта диалога;
- при вхождении в функциональную роль;
- при увлечённом решении проблемных задач;

- полудремотном состоянии;
- в случаях сукцессивного раздвоения личности;
- при нарушении памяти;
- в случаях изоляции [8, с. 25-29].

Ориентируясь на данную классификацию, следует отметить, что возникновение внутренней речи Штирлица в тексте романа «Приказано выжить» обусловлено рядом причин. При этом мы можем выделить две главные причины:

1. Изоляция персонажа.
2. Увлечённое решение проблемных задач.

Для подтверждения приведённого тезиса следует привести фрагмент внутренней речи Штирлица, зафиксированного в начале романа: «Я встрепан с той минуты, когда дал согласие вернуться. Я понимаю, что этим согласием я, видимо, **подписал себе смертный приговор**... Но ведь только больной человек лишен чувства страха... Значит, давая согласие вернуться, я оставлял себе хоть гран надежды, нет? Бесспорно. В чем я могу быть засвечен? Во всем...» [6]. В приведённом фрагменте проявляются сразу две вышеуказанные причины. Словосочетание «подписал себе смертный приговор» является признаком осознания безнадежности сложившегося положения, одиночества и отчаяния. Также в приведённом фрагменте присутствуют вопросительные предложения, которые свидетельствуют о поисках персонажа разрешения неблагоприятных ситуаций. Важно отметить, что если об изоляции персонажа можно делать выводы, в основном, исходя из содержания произведения и косвенно опираться на лексические значения используемых слов, то в случае с причиной «Увлечённое решение проблемных задач» можно утверждать, опираясь на 42 из 46 фрагментов внутренней речи Отто фон Штирлица.

Трансакционный анализ представляет собой психологическую модель, служащую для описания и анализа поведения человека как индивидуально,

так и в составе групп. Данная модель включает философию, теорию и методы, позволяющие людям понять самих себя и особенность своего взаимодействия с окружающими [9, с. 187-189].

Ключевой отправной точкой для развития транзакционного анализа стал психоанализ, однако ТА, как модель, приобрёл значительно более общий и масштабный характер. Особенность транзакционного анализа состоит в том, что он изложен простым и доступным языком, а его основополагающие принципы крайне несложны и доступны для всеобщего понимания.

Краеугольным камнем транзакционного анализа является положение о том, что один и тот же человек, находясь в некоей определённой ситуации, может функционировать, исходя из одного из трёх эго-состояний, чётко отличимых одно от другого [2, с. 66].

Транзакционный анализ – это рациональный метод понимания поведения, основанный на заключении, что каждый человек может научиться доверять себе, думать за себя, принимать самостоятельные решения и открыто выражать свои чувства. Его принципы могут применяться на работе, дома, в школе, с соседями – везде, где люди имеют дело с людьми.

Основы теории транзакционного анализа были описаны Эриком Берном и рядом других психотерапевтов, а также несколькими не психотерапевтами. Эрик Берн начал публиковать свои наблюдения за особенностями человеческого функционирования ещё в начале 1960-х годов, а пик общественного интереса к транзакционному анализу пришёлся на 1970-е годы [1; 2].

Эго-состояние Взрослого (В) не зависит от возраста личности. Оно ориентировано на восприятие текущей реальности и на получение объективной информации. Оно является организованным, хорошо приспособленным, находчивым и действует, изучая реальность, оценивая свои возможности и спокойно рассчитывая.

1. Фрагменты внутренней и внешней речи свидетельствует о том, что Штирлиц относится к эго-состоянию «Взрослый». Позиция взрослого – позиция здравого смысла, разумное и адекватное взаимодействие. Здесь человек рассматривает ситуации и события с точки зрения удобства и выгоды, пользы для себя и других, и, что немаловажно, с позиции равенства собеседников. Это та часть личности, которая строит планы, получает результаты, зарабатывает деньги. Как правило, в этом состоянии человек спокоен. Это часть личности, которая не является проекцией нас в детстве или отражением образа родителей [11, с. 105-106]. Типичные фразы или мысли Если я снова остановлюсь, — вдруг отчетливо понял Штирлиц, — и выйду из машины, и сяду на землю, (...) то я могу не устоять, не удержать себя и поверну назад; приеду в Базель, пересеку границу и лягу спать в первом же маленьком отеле. (...) Тебе нельзя останавливаться сейчас, старина... Езжай-ка к себе, прими душ, выпей крепкого кофе и начинай работу...»
2. «Я подожду. Что-что, а ждать я умею. Все-таки черная кошка, да еще слева направо, во второй половине дня, накануне возвращения в мой ад — штука паршивая, как бы там ни говорили...»
3. «Просто-напросто мне надо еще раз все продумать».
4. «Ну что ж, я дам тебе факты, только плохо, что я не рассказал об этой моей идее пастору, они, я думаю, станут сейчас к нему подкрадываться».
5. «Он хочет послушать, как я буду излагать ему свою версию всего дела... А он станет перепроверять ее, основываясь на донесениях агентуры, расшифровке моих телефонных разговоров, рапортах службы наблюдения... Сейчас он должен подняться и отойти к шкафу или куда-то еще, где у него есть кнопка включения записи... Вряд ли он решится на то, чтобы, сидя напротив меня, шарить рукою в кармане по рычажкам диктофона, он слишком большой профессионал, он рассчитывает контрагента заранее...»

6. «Если он заставит меня писать левой рукой, будет плохо. Надо заранее подготовить себя к этому».

«Погоди, не торопись подписывать капитуляцию с тем, что называют «стечение обстоятельств». У тебя заранее продуманы ходы, надо пробовать все: «Давай обсудим это», «Я уверен, мы найдем правильное решение», «Если мы будем действовать по плану, у нас, скорее всего, все получится», «Я полагаю...»

Подобные фразы присутствуют в лексиконе Штирлица. Самых характерных подобных фраз во внутренней речи персонажа три:

1. «Шлаг — и это самое главное, с чем я к вам приехал, я не сказал об этом Борману, цените мою верность — высчитал, что операция Вольфа планировалась не только вашим другом и моим шефом, но и весьма серьезными силами в генеральном штабе и министерстве иностранных дел».
2. «Если я скажу вам, что я играю свою партию, не очень-то полагаясь даже на вас, хотя ваш план уйти в тот миг, когда здесь будет грохотать канонада союзников, представляется мне оптимальным».
3. «Я думаю, офицер пограничной стражи на нашем «окне» возле Базеля, где я переправлял пастора Шлага, был перевербован Мюллером, как-никак это «окно» было вашим личным, по материалам гестапо оно не проходило... Через этого офицера Мюллер вышел на пастора. За стариком пустили «хвост», в Швейцарии пока еще сильны позиции баварца; в объекте интереса пастора оказался — согласно нашему с вами плану — Даллес» [6].

Остальные фразы внутренней речи Штирлица не имеют прямого указания на поиск компромиссов и желание следовать плану, однако косвенно это подразумевают.

Во внутренней речи штандартенфюрера эго-состояние «Взрослый» проявляется намного характернее:

7. «

8. , что только можно, надо бить на чувство, расчет, эмоции — это может сейчас пройти» [6].

Однако несмотря на явно преобладающее эго-состояние «Взрослый», у Штирлица проявляются другие эго-состояния.

Эго-состояние Родителя (Р) содержит установки и поведение, перенятые извне, в первую очередь — от родителей. Внешне они часто выражаются в предубеждениях, критическом и заботливом поведении по отношению к другим. Внутренне — переживаются как старые родительские наказы, которые продолжают влиять на нашего внутреннего Ребёнка [11, с. 105].

Характерно проявляется эго-состояние «Ребёнок» по отношению к самому себе во внутренней речи Штирлица:

1. «Это был двести тринадцатый километр, не гони, все будет хорошо, точнее говоря, все обязано быть хорошо, иначе случится несправедливость, ты не заслужил этого.
2. «Приказано выжить».
3. «Меня поставили в такого рода положение, а я обязан обернуть ситуацию в свою пользу».
4. «Надо уходить, поездка в Линц — последний шанс. Все, что можно было понять, я понял, выше головы не прыгнешь».
5. «Они будут спрашивать тебя, Максим. (...) Пожалуйста, постарайся не торопиться, ты вообще-то страшный торопыга, тебе так много стоило научиться сдерживать себя, держать в кулаке, постоянно понуждая к медлительности».
6. «Ну не спеши. (...) Ты ведь все понимаешь, Максим, ты отдаешь себе отчет в том, что он очень ждет, как ты ему все расскажешь, а тебе хочется все ему рассказать, но при этом ты пока еще понимаешь, что делать этого нельзя».

7. «Ну, пожалуйста, Максим, сдержись; это будет так стыдно, если ты начнешь торопиться, ты ведь знаешь, кто стоит над тобою, у тебя раскалывается голова, наверное, они вкатили тебе слишком большую дозу — используй это» [6].

Однако во внешней речи это никак не проявляется.

В то же время только во внешней речи проявляется эго-состояние «Ребёнок»:

1. Хочу.
2. Тем более.
3. Нет. И впредь этого делать не стану.
4. Открыт как дитя.
5. Тогда не спрашивайте.
6. Нет, я не буду этого делать.
7. Смею! [6]

Однако следует отметить, что проявлялось лишь в трёх эпизодах – разговорах Штирлица с непосредственным начальником, руководителем IV отдела РСХА Вальтером Шелленбергом, и руководителем «Гестапо» Генрихом Мюллером. Впрочем, это наблюдение позволяет отметить, что в присутствии лиц выше по званию, чем сам персонаж, Штирлиц «играл роль «Ребёнка», оставаясь по отношению к себе «Взрослым» с редкими вкраплениями «Родителя».

Личность, вступая в общение, принимает на себя те или иные коммуникативные роли, выбирает определенные речевые приемы, задает тему или тон. В дискурсе воплощаются присущие его субъектам темпераменты, доминирующие чувства и мотивы деятельности.

По речи также можно определить, к какому типу темперамента принадлежит говорящий. С экспрессивной точки зрения речь сангвиника интонационно более выразительна, чем речь флегматика. С помощью голосовых модуляций сангвиник выражает разнообразные свои чувства и

мысли. Именно интонация делает его речь более выразительной и эмоциональной.

Для сангвиника характерно большое число восклицательных и побудительных предложений (из 85 записанных 50 оказались побудительными и восклицательными). Речь его ритмична, интенсивна, темп речи обычно быстрый, паузы между речевыми отрезками невелики.

Речь флегматика более плавна, медлительна, амплитуда колебаний интонационных параметров невелика. Речь часто прерывается паузами. Он старается подыскать соответствующие слова, точно передать свою мысль, свое состояние. Интонация его всегда менее экспрессивна. Логическое ударение — единственное интонационное средство, которое создает экспрессивность речи. Восклицательных предложений мало — 33 из около 400. Но нельзя говорить о монотонности речи [8, с. 50-56].

В тексте внутренней речи Штирлица лишь 16 раз использованы восклицания или эмоциональные высказывания. Незначительно больше восклицаний используется во внешней речи – 17. Приведенная статистика предоставляет возможность предположить, что Отто фон Штирлиц является флегматиком по темпераменту и, соответственно, интровертом.

Интроверсия Штирлица, свойственная флегматикам, подтверждается количественным и качественным соотношением внутренней и внешней речи в произведении. Так, несмотря на существенное преобладание фрагментов внешней речи над устной, количество использованных слов для внутренних высказываний отличается от внешних примерно лишь на 1,5 тысячи единиц (около 6,5 тысяч слов против 5 тысяч). В то же время в устной речи Штирлица преобладают односоставные или простые предложения, тогда как во внутренней речи наблюдается обратная тенденция: из 47 фрагментов только 3 состоят из одного предложения. Остальные 44 содержат два и более сложных предложений. Это свидетельствует о склонности персонажа к самоанализу.

При этом Штирлиц не может быть меланхоликом. В речи информанта-меланхолика, как типа неуравновешенного, присутствует наибольшее количество оценок, с преобладанием сильноотрицательных (подлая-подлая) над отрицательными (ворона, талия метра полтора). Собственное состояние и ситуация чаще оценивается как «мрачно», «плохо». Среди способов оценивания меланхолик предпочитает стилистически окрашенные слова. Информант этого типа в большем объеме, чем другие, употребляет сниженную лексику, может употреблять некодифицированную лексику, но это зависит от общей культуры общения.

В частности, в ситуации, когда Штирлиц был на грани провала и ареста, во внутренней речи персонажа не наблюдалось ни единого слова тревоги. Напротив, персонаж старается логически проанализировать свою ситуацию, оставаясь при этом максимально сдержанным и беспристрастным: «Ишь, как ты хвалишь себя, — усмехнулся Штирлиц, — не впрямую, но вполне однозначно...» [6].

Важно также заметить, что значительное влияние на речь оказывают такие черты характера человека, как активность, деятельность или пассивность, созерцательность. Так, в силу темперамента Штирлица, который диктует склонность к созерцательности, а также склонности к пассивности в случае неуверенности в последствиях поступка, речи персонажа свойственно большое количество именных сказуемых, пассивных конструкций и страдательных причастий, как в диалогической речи, так и в монологической и стилизованной речи.

Для иллюстрации данного примера подходит рассказ штандартенфюрера Штирлица группенфюреру Мюллеру о работе с пастором Шлагом: «Так называемое «падение» Вольфа было первой фазой операции, задуманной здесь, в Берлине, в этом здании... Следующей фазой было **подключение** генерального штаба, который **обязан был дать согласие на назначение** Вольфа заместителем командующего группой войск в Северной

Италии. Армия — за подписью генерал-полковника Гудериана — дала такого рода согласие. Нормы протокола требовали, чтобы факт приезда Вольфа в Италию **был обговорен** по дипломатическим каналам с правительством Муссолини. Переписка по этому вопросу хранится в архиве министерства иностранных дел. Черный мундир СС, наш с вами, столь тенденциозный, Вольф ловко сменил на зеленый френч — военный человек, каста служивых, во все времена генералы враждующих армий время от времени садились за стол переговоров... И произошло все это еще накануне нашего **наступления** против союзников в Арденнах. Значит, комбинация действительно готовилась загодя?» [6].

В приведённом фрагменте Штирлиц четыре раза использует именные сказуемые вместо глаголов, дважды использует пассивные конструкции.

Кроме того, Штирлиц часто использует односложные предложения для характеристики персонажей. Например, следующей характеристики удостоилась советская радистка Кэт, которую главный герой вывез в Швейцарию как гражданку Третьего Райха: «**Беженка**. Ее муж работал у нас на заводах Круппа, специалист по часовой технике, швейцарец... **Погиб**... Она стояла на дороге, только что кончился налет варваров...» [6].

Во внешней и внутренней речи персонажа преобладают утвердительные конструкции. Данная тенденция особенно свойственна внешней речи. Так, из 302 конструкций внешней речи Штирлица лишь 20 утвердительными, ещё около 50 содержат элементы вопросительных и восклицательных конструкций. Во внутренней речи утвердительные конструкции также преобладают, пусть и в меньшей степени. Однако связано это в первую очередь с тем, что конструкции внутренней речи персонажа громоздкие, в то время как конструкции внешней речи часто состоят из 1-2 предложений и соответственно являются однородными.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / пер. с англ. А. Грузберга. — М.: Эксмо, 2014. — 576 с.
2. Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии / пер. с англ. А. Грузберга. — М.: Эксмо, 2009. — 416 с.
3. Выготский Лев. Мышление и речь. Изд. 5, испр. — Издательство «Лабиринт», М., 1999. — 352 с.
4. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: Учеб. для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «Психология». - М.: Смысл, 1997.
5. Ляпон М. В. Картина мира: языковое видение интроверта // Русский язык в его функционировании / Тезисы докладов международной конференции. — М., 1998.
6. Семёнов Юлиан. Приказано выжить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knijky.ru/books/prikazano-vyzhit>
7. Семенова О. Ю. Юлиан Семенов. — М.: Молодая гвардия, 2006. — С. 273—275.
8. Сергеева Юлия. Интраперсональная коммуникация. Психологический и лингвистический аспекты. – Москва, 2017. – 198 с.
9. Стюарт, Ян; Джойнс, Вэнн. Современный транзактный анализ. — Санкт-Петербург: Социально-психологический центр, 1996. — 332 с.
10. Сухих С.А. Черты языковой личности // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. — Тверь, 1993.
11. Фесенко О. П. Академическая риторика: учебное пособие [Текст] / О. П. Фесенко. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт; ОАБИИ, 2015. – 329 с.